СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС

Марина Кривенькая

Гастрономический этностереотип и его вербализация в диалогическом общении

Этностереотипы — одна из самых устойчивых форм проявления стандартизированной информации определенного лингвокультурного сообщества. Среди признаков материальной и духовной культуры, которые выделяются как этнические маркеры в процессе диалогического общения, традиционной пище и правилам ее приема отводится первостепенное место. При их вербализации в диалоге зачастую используется прием синекдохи как средства выражения целого через часть. Этот прием демонстрирует представления о типичном наборе предметов, с которыми ассоциируются привычки и традиции, формирующие коллективный этнопортрет народа.

Ключевые слова: этностереотип; диалог; диалогический дискурс; этнопортрет; этнический маркер; синекдоха; имплицитные представления.

Диалогические реплики с вербализацией этностереотипов относятся к разновидностям косвенных речевых актов, в которых наблюдается сочетание эксплицитности и имплицитности в одном высказывании, то есть помимо прямого значения присутствует подразумеваемый компонент. При вербализации таких актов в диалогическом дискурсе проявляется сочетание индивидуальных и коллективных стереотипов [10; 11]. Можно предположить, что подразумеваемый компонент подобных косвенных речевых актов является проявлением тех коллективных стереотипов, из которых с течением времени складывается этнопортрет народа.

**Кривенькая
Марина Александровна,**
кандидат филологических наук,
Директор Центра регионове-
дения и гуманитарно-образова-
тельного сотрудничества
Института социально-
гуманитарного образования,
Московский педагогический
государственный университет
(Москва), marina1008@mail.ru

Коллективный этнопортрет демонстрирует представления о типичном наборе предметов, с которыми ассоциируются привычки и традиции, бытующие в народе. Среди признаков материальной и духовной культуры, которые выделяются как этнические маркеры в процессе диалогического общения, традиционной пище и правилам ее приема отводится первостепенное место [6].

Один из самых ярких выразительных средств в данном контексте — прием *синекдохи* как выражения целого через часть. Традиционная пища — «основа питания для нации» [3, с. 12] — выступает здесь в роли этнического маркера, через который происходит прямая номинация этноса.

— *Французы — это язык восемнадцатого века и мягкий сыр.*

— *А англичане? — спросил Какуро.*

— *Англичане? Ну это же просто, — заявила я!*

— *Пудингх? — предположила Мануэла, имитируя английский. [...] И еще ростбиф, — продолжила она подражать британцам (перевод мой. — М.К.) [22, р. 327].*

Этностереотипы — одна из наиболее устойчивых форм проявления стандартизированной информации [7]. Они, как любое имплицитное, то есть подразумеваемое «наивное» социальное знание, формируют фонд фоновых знаний, который обнаруживает единство для представителей определенного лингво-культурного сообщества. В процессе общения люди, связанные общим историческим прошлым и укладом жизни, как бы заранее понимают друг друга. Особенно ярко это проявляется при экспликации на индивидуальном уровне коллективных суждений о чертах характера и менталитета представителей разных национальностей [5]. Отношение к традиционной пище и практикам ее потребления — важная их составляющая.

— ...Мне самой всегда нравилась провинция. Я к ней отношусь с большой любовью. Дальние уголки, кафи, маленькие деревни. **Настоящий Афганистан**, так сказать.

— Я, может, и не согласна со всеми или с большинством племенных традиций, но, как мне кажется, **люди там живут более подлинной жизнью**. В них есть стойкость. Живительное смирение. **Гостеприимство**. И выносливость. Гордость. Правильное слово, да, Сулейман? Гордость? [20, с. 448].

В данном диалоге в число характеристик афганского народа попадает гостеприимство, которое скорее представляет собой черту традиционного уклада жизни, нежели черту характера. Во-первых, это говорит о яркости и постоянстве проявления этой характеристики во времени, во-вторых, — о важности, с точки зрения участников диалога, для понимания народного характера.

Набор характеристик, составляющих этнопортрет народа, который, в свою очередь, является частью фоновых знаний, при вербализации в процессе диалогического дискурса формирует так называемую *пресуппозиционную базу коммуникантов*. Особенно заметна роль пресуппозиций, когда при общении коммуниканты вербализуют индивидуальные мнения, базирующиеся на так называемой групповой социальной имплицитности [4]. Упоминание о правилах застолья, которые демонстрируют устойчивость традиций и зачастую патриархальный этикет, — яркое тому подтверждение.

— **Ты со своими тостами, как грузин**, — сказала Федотова.

— Я не «как грузин». **Я грузин**, — поправил Макс.

— **Грузины берегут традиции потому, что они маленькая нация**, — объявила Оксана.

— **Грузины берегут традиции потому, что они берегут прошлое**, — ответил Макс. — **Без прошлого не бывает настоящего**. Даже кометы не бывают без хвоста, — напомнила Федотова [17, с. 258].

Данный диалог, содержательно выстроенный вокруг традиционной любви грузин к застолью, во время которого употребление вина сопровождается многочисленными тостами, интересен своей многослойностью. Инициатор дискурса выражает свое отношение к собеседнику через сравнение его с грузином, поскольку имеет устойчивое представление о коллективном портрете грузинского народа, составной частью которого является любовь и умение произносить тосты. Собеседник не просто полностью разделяет высказанное имплицитно мнение: снимая сравнение и прямо номинируя себя грузином, он акцентирует согласительный аспект коммуникации.

Далее диалог развивается эксплицитно, но в той же логике. Ответные реплики, построенные как возражение, на самом деле дополняют иницирующие, диалог строится в согласительной манере, его участники полностью разделяют мнение не только о характере грузинского народа, но и о связи традиций (в данном случае традиций застолья) с историческим прошлым нации, о важности этой связи для любого народа и т. д.

Успешная импликация смысла, нашедшего свое вербальное выражение в слове «грузин», в данном диалоге говорит о совпадении элементов когнитивных баз его участников, позволившем адекватно декодировать подразумеваемый смысл. Дискурс разворачивается как согласительный, причем «на поле» имплицитных представлений адресанта.

Семантическое поле диалогического дискурса с вербализацией этнических маркеров в виде гастрономических привычек и традиционной еды разных народов отличает явно выраженная экспрессивно-оценочная составляющая. Номинация элементов этнопортрета народа происходит с привлечением средств коннотативной семантики [7, с. 256]. Именно поэтому так рас-

пространены для передачи коллективного этнопортрета народа через его отношение к еде разные формы тропов.

Следующий диалог — пример вербализации представления о национальном характере народа через отношение к напиткам и культуре питания с использованием перефразы известной поговорки про немцев и русских. В диалоге речь идет об армянах и русских, предмет разговора — кизиловая настойка, традиционный армянский напиток.

— *Игорь, что армянину хорошо, то русскому смерть, — честно предупредил его папа.*

— *Ничего не знаю, — уперся дядя Игорь.* [12, с. 246]

Данный диалог представляет собой обратную трансформацию закрепленного в когнитивной базе коммуникантов представления о противоположности характеров и самой «натуры» русских и немцев. Коммуниканты демонстрируют совпадение мнений по поводу препозиции, коллективную импликацию смысла, выраженного в знакомой им на уровне фоновых знаний поговорке. Успех коммуникации, конечно же, гарантируется в данном случае совпадением образовательного уровня ее участников, но, смеем предположить, также и самим предметом разговора — традиционным «национальным» напитком, отношение к употреблению которого служит индикатором при определении коллективного характера народа.

Помимо коллективных этностереотипов существует и *метастереотип* об общности людей, объединенных вкусовыми пристрастиями. Примером тому может служить следующий диалог.

— *Вы должны понимать: индивидуальность — эффективное слово, которое нравится клиентам. На самом деле здесь, в России, общая жизнь: вкусы, потребности, перечень тайных же-*

ланий. Каждому сегменту рынка соответствует свой список [21, с. 98–99].

В диалогах прослеживается вербализация имплицитного мнения о том, что отношение разных народов к еде и напиткам меняется не только в зависимости от места их проживания, но и времени. На это указывают, например, диалоги, в которых еда/напиток выступают мерилем труда. Импликация смысла о целесобразности и эффективности «натурального обмена» в представленном ниже диалоге происходит безошибочно и в современных условиях. Отсылка к реалиям 1990-х годов в России понятна всем участникам дискурса, референция к водке как стоимостному эквиваленту труда не встречает непонимания; причина возражения — неактуальность данной практики в сложившихся условиях.

«Хозяйка! Принимай работу! — Наконец крикнул менеджер». — «И сколько?..» — «Четыреста». [...] «Триста пятьдесят дам, и хватит, — сказала я. — Да и то много». — «Триста пятьдесят на два не делится! — запротестовали мужики. — Это ж, если, к примеру, два стакана водки...» — «Давайте не будем все пересчитывать на водку, — сказала я. — Не те времена. Где ваше профессиональное достоинство? Молочка попейте на ночь» [19, с. 213].

С другой стороны, демонстрируют устойчивость и независимость от времени имплицитные представления о соответствии церемоний и ритуала потребления еды/напитков тематике застольной беседы. Вспоминая классическую булгаковскую линию рассуждений на эту тему профессора Преображенского, находим ей продолжение в современной российской литературе:

«За чаем беседовали с Иннокентием о роли личности в истории. Надо же о чем-то беседовать помимо медицины.

Он повторил свою любимую мысль о вожжах. Что народ-де находит ровно того, кто ему в этот момент нужен.

Я говорю осторожно:

— Как вы себе это представляете: всем в 1917 году было нужно одно и то же? Старым, молодым, умным, глупым, правым, виноватым — одно и то же?

А где вы там видите умных? А главное — правых?» [13, с. 341–342].

Наивные имплицитные составляющие стереотипного мышления вырабатываются индивидуальным сознанием, однако они могут быть похожими у людей одной возрастной группы, одного профессионального сообщества, одного социального слоя, одной этнической группы. Следующий диалог иллюстрирует, как проявляется сходство имплицитных представлений членов одного лингвокультурного сообщества о норме в отношении правил поведения в широком смысле «на кухне» и основанной на этом общепринятой оценке возрастной и социальной зрелости героев.

— Маааам, — закатила глаза Динка, — мне пятнадцать лет, я взрослый человек!

— Да? Может быть, взрослый человек будет за собой посуду мыть и одежду в шкаф убирать?

— Мама! — у Динки из глаз брызнули слезы. — Причем тут одежда?

— А притом, что взрослость — это не только права, но и обязанности. У тебя обязанности есть? [15, с. 50]

В данном диалоге о правах и обязанностях как признаках взрослого, то есть ответственного отношения к жизни на первый план выходят бытовые вещи, в частности, их уборка. Каждому члену семьи самому следить за одеждой и мыть посуду после еды необходимо не только с точки зрения объединения коллективных усилий по поддержанию порядка в домашнем хозяй-

стве, но и распределения обязанностей в доме. В этом случае в жизнь проводится формула «поел — убери за собой», которая, не раз визуализированная на плакатах советского общепита, безусловно, провозглашает не только возрастное и гендерное, но и, в самом общем плане, социальное равноправие в сфере быта, а, значит, и в повседневной жизни.

Референция данных реплик с эксплицитно представленной формулой взрослости указывает на имплицитное представление говорящих о важности соблюдении правил так называемого социального общежития, в первую очередь проявляющихся в чистоплотности и порядке. Возможно, логическим следствием данного стереотипного представления является и способность упорядочивать действительность, проявляя социальную активность в разных ее областях.

Диалоги, семантически соотнесенные с гастрономической тематикой, могут вербализовать коллективное стереотипное представление не только о нормах обустройства личного пространства, связанного с приемом пищи, но и о социальном статусе общественных мест, связанных с едой и питанием. Статус этот подвержен корреляции у разных народов и в разное время. Представленные ниже диалоги о рынке и супермаркете объединяет коллективная оценка этих мест как мест выражения неформальных видов общественного одобрения или порицания.

(1) «Никакие соцработники никогда к нам не приходили... Если на тебе нет следов побоев и ты каждый день ходишь в школу, то для всяких комиссий по защите прав ребенка ты просто не существуешь, а моя мачеха — не скажу, чтоб она выглядела уж очень прилично, но все же к ней относились с уважением, здоровались, когда она шла в супермаркет. Спрашивали, как дети и все такое» [14, с. 27–28].

(2) «... Ходили слухи, что на меня свалилось целое состояние, какие-то там миллионы и все такое, ну а я не мешала людям говорить».

Да уж, со мной теперь здоровались на улице, но я не переставала работать, напротив, с наступлением возраста великих и славных заработков устроилась кассиршей в супермаркет» [14, с. 123].

В данных диалогических репликах имеет место имплицитное представление об исторической роли рынка и рыночных площадей как центрального общественного места городской жизни, места встреч и информационного обмена, где складывалось общественное мнение как о социально важных явлениях и событиях, так и о частной жизни соседей и гостей.

Разница в том, что в первом примере супермаркет как место выражения неформального общественного мнения имеет положительную коннотацию, а во втором — негативную. В центре внимания — образ кассирши в супермаркете, олицетворение низкооплачиваемой, отчасти неблагодарной работы, в концентрированном виде выражаемой в историческом образе уличной «торговки».

Референция реплик, семантически соотнесенных с элементами традиционной гастрономии как этнического маркера, довольно часто указывает на оценку значимости социальных явлений, принятую в том или ином этнокультурном сообществе как *социальную норму*. Например, это может касаться имплицитных представлений о престиже занятий, связанных с едой и питанием, в разных культурах.

— Нет мне здесь счастья, старина. Я думал, что, став врачом, вырасту над собой, и мои родители смогут мной гордиться. Сын булочника — доктор, прикинь! Только, знаешь, даже стань я когда-нибудь величайшим хирургом, все равно мне никогда не дорасти до моего отца. Папа — он

всего лишь печет хлеб. Но видел бы ты, как счастливы те, кто приходит в булочную ранним утром [16, с. 255].

В данном примере вербализовано индивидуальное представление говорящего о ценности профессий, обеспечивающих удовлетворение основных потребностей людей, — тех из них, с которыми связано понятие «простого человеческого счастья». Профессия булочника, безусловно, является таковой, хоть и проигрывает по степени престижности, например, профессии врача, социальный статус которой, судя по имплицитно выраженному коллективному мнению, значительно выше.

Извечный философский вопрос о первичности и вторичности бытия и сознания и связанный с ним разброс мнений о смыслах и ценностях, провокационно тревожащий и поныне древним призывом дать «хлеба и зрелищ», вербализуется и в диалогах героев современной литературы.

— Ты красивая, — сказал ей Миша. — Ты это знаешь?

— Конечно, — удивилась Таня.

— А почему ты работаешь официанткой?

— А кем?

— Иди в актрисы.

— А какая разница?

— То есть... — не понял Миша.

— Актриса и официантка — услуга. Актриса обслуживает зрителя, официантка — посетителя, за их деньги.

Театр и ресторан — это сфера обслуживания.

— Театр — это искусство. — возразил Миша.

— А питание — основа жизни. Человек состоит из того, что он ест. Разве нет? [18, с. 176]

Если принять во внимание, что язык культуры в семиотическом аспекте — это язык определенных кодов, выраженных в знаках, символах, ценностных и поведенческих установках, то соотнесение устойчивых идей и образов о социальном устройстве мира с такой систе-

мой культурных кодов создает особую виртуально-образную среду, так называемый инвариант образа мира [9, с. 33], где проецируются культурные особенности того или иного народа.

В терминах психологии социального познания здесь имеют место так называемые иллюзорные корреляции [1, с. 112], которые в принципе характерны для обыденного сознания, а при формировании этностереотипов исключительно важны. В коллективных представлениях об этносах, построенных с включением элементов традиционной культуры, в центре которых — еда и гастрономические традиции, эта иллюзорная связь проявляется довольно ярко. Общепринятое и устойчивое представление о комбинации некоего набора признаков, присущих той или иной нации, этносу, социальной группе и т. д., становится основанием для вывода о принятой в обществе социальной норме и, следовательно, так называемых «типичных» и «нетипичных» представителях соответствующей общности.

В заключение отметим, что позиция коммуникантов, апеллирующих в процессе речевого общения к элементам, из которых строится этностереотип, всегда активна. С точки зрения коммуникативной значимости потенциал результативности диалогического общения с вербализацией этнических маркеров в виде гастрономических привычек оценивается не только, а подчас и не столько по степени приближения к объективной реальности, сколько по степени соответствия имплицитных суждений участников дискурса.

В этом контексте важно, чтобы «референции, связанные с передаваемым и получаемым сообщением, позволяли бы достаточно однозначно определять общую тему, вокруг которой выстраивается коллективное действие» [2, с. 57]. Учитывая заложенный в емкой формуле «человек — то, что он ест» обобщенный и одновре-

менно крайне приближенный к реальности сущностный смысл, можно предположить, что дискурс с включением элементов традиционной гастрономии в роли этнического маркера обладает объединительным потенциалом для представителей любых этнических групп. Общая тема еды, которую фиксируют «архетипически значимые культурные стереотипы-ситуации» [3, с. 13], вне зависимости от степени эксплицитного и имплицитного ее представления в диалоге понятна абсолютному большинству потенциальных участников коммуникации.

Можно предположить, что вербализация этнопортрета народа с привлечением элементов традиционной гастрономии является действенной системой воздействия на социальное мировоззрение и поведение человека в обществе. Такой дискурс имеет большой объединительный потенциал и способен служить примером бесконфликтной модели коммуникации, с позитивной эмоциональной составляющей, направленной на расширение имплицитно-референциального пространства, способствующей взаимопониманию на разных уровнях.

Литература:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов вузов. 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2005. 376 с.
2. Гусев С.С. Ситуативность коммуникативных действий: научное издание // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 51–60.
3. Козлова И.Е., Гребенкина И.Н. Универсальные и уникальные стереотипы французской и русской культур (на материале русских и французских фразеологизмов с гастрономическими терминами) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 10 (138). С. 9–16.
4. Кривенькая М.А. От имплицитных представлений коммуникантов к мифологизации исторического прошлого нации: загадки импликации диалогической реплики // Лингвистические, дидактические и социокультурные аспекты функционирования языка: м-лы VII межд. конф. KALBA IR KONTEKSTAI. Mokslo darbai. 2016 m. VII (I)

- tomas. 2 dalis. Lietuvos edukologijos universitetas. Filologijos fakultetas. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla. 2016. P. 59–69.
5. Кривенькая М.А. Лингво-когнитивные предпосылки формирования этностереотипов // Этнодиалоги: научно-информационный альманах. 2016. №2 (51). С. 159–177.
 6. Кривенькая М.А. Вербализация этностереотипов с элементами традиционной гастрономии в диалогическом дискурсе / Материалы IV международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира» [сборник статей]. М.: Новое Время, 2019. С. 232–242.
 7. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.А. Хомской. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.
 8. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Г. Толерантность и этнические стереотипы в современном политическом дискурсе // Языки и культуры в современном мире: сб. тезисов докл. участников XII межд. конф. М.: НОПриЛ, 2016. С. 72–74.
 9. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты. М.: Народный учитель, 2003. 107 с.
 10. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
 11. Формановская Н.И. Имплиcitный и эксплицитный интенциональный смысл высказываний // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск: КГПИ, 1986. С. 62–64.

Источники литературного материала:

12. Абгарян Н. Манюня. М.: АСТ, 2015. 319 с.
13. Водолазкин Е.Г. Авиатор: роман. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
14. Гавальда А. Билли: роман / Пер. с франц. Т. Поздновой. М.: АСТ, 2014. 224 с.
15. Жвелевский А.В., Пастернак Е.Б. 52-е февраля: повесть. М.: Время, 2016. 128 с.
16. Леви М. Похититель теней: роман / Пер. с фр. Н. Хотинской. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. 288 с.
17. Токарева В.С. Мои враги: сб. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 317 с.
18. Токарева В.С. Немножко иностранка: рассказы и очерки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 256 с.
19. Толстая Т.Н. Легкие миры. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.
20. Хоссейни Х. И эхо летит по горам: роман / Пер. с англ. Ш. Мартыновой. М.: Фантом Пресс, 2015. 446 с.
21. Чижова Е.С. Планета грибов: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 352 с.
22. Barbery M. L'élégance du hérisson. Paris: Editions Gallimard, 2006. 368 p.

Marina Krivenkaya,

Ph.D in Philology, Associate Professor of the UNESCO Chair «International education and the integration of migrants», Director of the Center for Regional Studies and Humanitarian and Educational Cooperation, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University (Moscow), ma.krivenkaya@mpgu.su

Gastronomic ethnostereotype and its verbalization in the dialogical discourse

Stereotypes about ethnic groups and peoples are one of the most sustainable forms of presenting standardized information of a certain linguistic and cultural community. Traditional food and the eating rules are of primary importance among the signs of material and spiritual culture that stand out as «ethnic markers» in the process of dialogical communication. While verbalizing those ones in a dialogue, we often use a synecdoche as a way of expressing the whole through a part. It helps us to demonstrate ideas of a typical set of objects with which we associate habits and traditions forming a collective ethnic portrait of the people.

Keywords: ethnostereotype; dialogue; dialogical discourse; ethnic portrait; ethnic marker; synecdoche; implicit representations.

Ирина Винник, Виталина Винник

Прилагательное «экзистенциальный» как слово года

Эксперты американского интернет-словаря *Dictionary.com* назвали словом 2019 года прилагательное «экзистенциальный». Статья посвящена исследованию причин популярности философского термина, сочетаемости с существительными, участия в образовании новых слов в русском языке.

Ключевые слова: экзистенциальный; сочетаемость; популярность; языковой корпус; слово года; национальный корпус русского языка.

Лексика — самый подвижный и постоянно обновляющийся пласт любого живого языка. Изменения происходят постоянно. На это влияют три основные тенденции: языковые контакты и миграции, экономия языковых средств (по принципу наименьшего усилия),